

**МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО
В СОВРЕМЕННОМ СИБИРСКОМ МЕГАПОЛИСЕ
(НА ПРИМЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НОВОСИБИРСКЕ) ***

Этническая миграция нередко рассматривается как потенциальная опасность для России. Различия в культурных, и особенно религиозных, традициях являются источником взаимных предубеждений. Между тем в ближайшей перспективе, учитывая демографические особенности воспроизводства населения в РФ, альтернативы миграции нет. Следовательно, нахождение оптимальной модели интеграции мигрантов в принимающее российское общество предполагает консенсус между культурными (в том числе религиозными) традициями, усвоенными мигрантами в стране исхода, и уважительным отношением к объектам общероссийской гражданской лояльности: русскому языку, российскому гражданству, традиционным для России конфессиям, обычаям и традициям местного, в большинстве своем русского, населения.

Ключевые слова: миграция, ислам, этническая, конфессиональная и гражданская самоидентификация, принимающее российское общество, межэтнические отношения, интеграция, толерантность.

Становление российской идентичности тесно связано с выработкой нового, отличного от советского, отношения к этническому и конфессиональному многообразию. «Кто мы» и что стоит за этим «мы»: на эти вопросы вынуждены отвечать все страны постоянно и независимо от статусной позиции в глобальной архитектуре современного мироустройства.

В основе данной статьи – обсуждение вопроса о трудностях, с которыми сталкиваются и мигранты, и принимающее общество в процессе постмиграционной адаптации и последующей интеграции с местным населением. Другими словами: является ли определенное несовпадение социокультурных, конфессиональных и экономических установок мигрантов с традициями и практиками принимающего сообщества препятствием для интеграции в российское принимающее общество разнородных в культурном отношении мигрантов, многие из которых ориентированы на принятие российского гражданства?

По своему геостратегическому статусу Россия представляет собой страну с территорией и объемом природных ресурсов, намного превышающими многие страны мира. Дальнейшее сокращение населения в азиатской части страны в будущем может пагубно сказаться на ее долгосрочном развитии, учитывая фактор динамично развивающегося, густонаселенного Китая. Втягивание в орбиту чужих интересов, навязанная сырьевая специализация, низкая степень интегрированности в единое социокультурное пространство – вот далеко не полный перечень тех проблем, которые необходимо решать уже сегодня. Не является ли в этой ситуации миграция «меньшим из зол» для России? Миграция могла бы стать средством восполнения недостатка трудовых ресурсов, утверждения России в роли регионального лидера, а также могла бы служить культурным каналом поддержки связи с бывшими соотечественниками.

Миграция сегодня – неотъемлемая составляющая развития современного россий-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-03-00491а).

ского социума. Современная миграционная карта делит государства мира на две категории: 1) страны эмиграции, которые отдают свое избыточное население более развитым экономически соседям; 2) страны иммиграции, концентрирующие капитал, но испытывающие дефицит трудовых ресурсов. Россия – принимающая страна, которая в условиях демографического кризиса частично компенсирует миграцией недостаток собственного населения. Однако для успешного поиска взаимного компромисса и сохранения социальной солидарности в поликультурном российском обществе необходим диалог о приемлемых для всех условиях членства и оптимальной модели интеграции выходцев из стран ближнего зарубежья. Речь идет, прежде всего, о мигрантах из регионов с традиционно высокой рождаемостью: Кавказа, Центральной и Средней Азии, население которых традиционно исповедает ислам. В этой связи актуальным становится фактологическое обоснование той или иной модели интеграции («плавильного котла», «мультикультурности», «единства в многообразии»), которое невозможно без исследования межэтнических отношений в крупных мегаполисах, в основном привлекающих мигрантов для работы и жительства.

В качестве объекта конкретно-социологического исследования «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество», осуществленного летом 2009 г. в Новосибирске, были выбраны этнические мигранты из республик Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Главный предмет исследования – характер включения мигрантов в социокультурное пространство принимающего общества.

Основной инструмент исследования – раздаточный формализованный вопросник (анкета) для самозаполнения, содержащий 58 вопросов. Опрос проводился методом случайной выборки среди выходцев из стран ближнего зарубежья. Общий объем выборочной совокупности составил 190 человек.

Мигранты распределились по предыдущему месту жительства следующим образом: Киргизия – 39,8 %, Узбекистан – 25,8, Таджикистан – 15,6, Азербайджан – 9,7, Казахстан – 3,8 %. Все опрошенные находятся в трудоспособном возрасте, 95,7 % респон-

дентов в Новосибирске работают или учатся. Безработных, пенсионеров и домохозяек – менее 5 %. В выборке преобладают мужчины (70,5 %).

Среди задач, определивших направление и характер исследования влияния ислама на инкорпорацию в российский социум, одними из самых значимых, на наш взгляд, явились следующие:

- выявление объективных и субъективных предпосылок (факторов), влияющих на степень успешности «вхождения» мигрантов в принимающее сообщество;
- этническая, гражданская и религиозная самоидентификация мигрантов;
- анализ характера межэтнических отношений, складывающихся между мигрантами и резидентами.

Мигранты представляют собой наиболее мобильную часть населения стран выхода. Примечательно, что 30,2 % респондентов не имеют своей семьи. Следовательно, для некоторых из них одним из значимых мотивов может быть устройство личной жизни на новом месте. В целом же определяющими причинами миграции являются экономические факторы. Так, например, в качестве основного мотива отъезда с прежнего места жительства 75,4 % опрошенных указали стремление «обеспечить себя и свою семью», 19,6 % – «получение образования», 8,9 % – «ведение бизнеса». Среди других значимых причин отъезда респонденты назвали «личные причины» – 10,1 % и «политические причины» – 3,9 %.

И в общественном сознании, и в оценках экспертов широкое хождение имеет представление о невысоком человеческом потенциале мигрантов. Действительно, сегодня у многих из них присутствуют трудности в общении на русском языке с местным населением. Конечно, в качественном смысле они не замещают наших соотечественников, уезжающих на Запад. Однако для своих стран эта социальная категория достаточно «продвинутой» в отношении образования и профессиональной квалификации. Так, высшее образование имеют 20,7 % участников опроса, среднее специальное – 20,2, профессиональное техническое – 11,7, полное среднее – 37,2 %. При этом образовательный потенциал женщин-мигранток оказался выше, чем у мужчин: 30 % респонденток имеют высшее образование, 30 % – среднее специальное. Для сравнения, только

16,6 % мужчин-мигрантов имеют высшее образование, 15,9 % – среднее специальное.

Среди объективных предпосылок, успешно влияющих на характер адаптации, были выделены следующие:

- хорошее знание русского языка (плохое знание языка, соответственно, рассматривалось как фактор, затрудняющий интеграцию);

- опыт жизни в городской среде (опыт жизни в сельской местности оценивался как затрудняющий «вхождение» в среду мегаполиса фактор);

- постоянный статус пребывания (временное пребывание рассматривалось как препятствующий фактор);

- готовность принять российское гражданство (да / нет);

- местопребывание семьи (в России / в стране выхода).

Оказалось, что русский язык как основной использует 60,4 % респондентов. Среди них большинство легко говорит на русском языке (63,6 %). Свой национальный язык как основной используют 37,4 % мигрантов. Таким образом, можно заключить, что $\frac{2}{3}$ из них не испытывают языкового барьера в общении с местным населением, при этом достаточно активно пользуясь и родным языком. Поскольку статистически пригодными для сравнения оказались лишь две группы – выходцев из Киргизии и из Узбекистана – именно они были отобраны для оценки языковой дистанции с принимающим сообществом. Оказалось, что с выходцами из Узбекистана у местного населения языковая дистанция значительно меньше, чем с выходцами из Киргизии. Большинство выходцев из Узбекистана признали, что они легко говорят по-русски (75 %), тогда как среди выходцев из Киргизии таковых оказалось чуть больше половины (54,7 %).

Опыт жизни в городской среде может облегчить вхождение в социальный интерьер современного мегаполиса. Однако выходцы из города и села поделились в выборке примерно пополам: 52,2 % мигрантов жили в стране выхода до приезда в Новосибирск в городе, 47,8 % – в селе. Таким образом, значение этого фактора пока остается нейтральным с точки зрения инкорпорации мигрантов.

Значительная доля мигрантов рассматривает Новосибирск как место временного пребывания: 44,2 % приехали сюда на вре-

мя сезонной работы. Как место постоянного пребывания Новосибирск рассматривают только 41,4 % респондентов, учебы – 7,2 %.

Показателями, определяющими ориентацию на долгосрочное пребывание в России и, как следствие, необходимость инкорпорирования в российский социум, являются место пребывания семьи и готовность принять российское гражданство. На вопрос о месте пребывания семьи и готовности перевезти ее, в том случае, если она осталась в стране исхода, были получены следующие ответы «семейных» участников опроса: «*моя семья живет со мной*» – 31,8 % респондентов, «*моя семья осталась на прежнем месте жительства, и я не планирую ее перевозить*» – 24,6 %; «*моя семья осталась на прежнем месте жительства, но я собираюсь ее перевозить*» – 13,4 %. Таким образом, большая часть тех, у кого есть семья (45,2 %), связывает ее ближайшее будущее с Россией, и меньшая часть (24,6 %) отказывается от такой перспективы.

Что касается гражданства РФ, то у 38,1 % опрошенных оно уже имеется. Еще 34,1 % планируют его получить. И, наконец, 27,8 % мигрантов не планируют получать гражданство РФ. Таким образом, можно предположить, что примерно для четверти мигрантов Новосибирск является временным местом жизни и работы и свой «сезонный» статус эти респонденты в ближайшем будущем менять не собираются. Для остальных из группы респондентов, прибывших на временную работу, вопрос о дальнейшем пребывании в статусе мигранта, либо резидента, остается, видимо, открытым.

Итак, три из пяти факторов – знание языка, место пребывания семьи и готовность принять гражданство – оказались в принципе благоприятными с точки зрения возможности и желания мигрантов в дальнейшем инкорпорироваться в российский социум. Влияние двух оставшихся факторов – опыт жизни в городском сообществе и постоянный / временный статус пребывания – можно рассматривать пока как нейтральное.

При сравнении двух групп – выходцев из Киргизии и из Узбекистана – с точки зрения их ориентаций на стремление стать частью российского социума, обращает на себя внимание тяготение к России киргизских мигрантов и сохранение устойчивой ориен-

тации на страну исхода у выходцев из Узбекистана. Среди узбеков выше процент тех, кто оставил семью на прежнем месте жительства и не планирует ее перевозить (41,3 %). Для сравнения, среди выходцев из Киргизии таковых оказалось лишь 10,9 %, 39,7 % киргизских мигрантов приехали в Новосибирск с семьей, 13,6 % – планируют перевезти семью к себе.

Почти половина киргизских мигрантов уже имеет российское гражданство (47,2 %). Планируют стать гражданами РФ 26,4 % выходцев из Киргизии. Из опрошенных узбекских мигрантов только один имел российское гражданство. Большинство же выходцев из Узбекистана (54,5 %) не планируют становиться гражданами России.

Среди субъективных факторов (предпосылок), влияющих на характер инкорпорации мигрантов, были выделены следующие:

- представление о возможности укорениться на новом месте;
- ощущение похожести / непохожести с местными жителями;
- желание стать «своим» для местных жителей;
- ощущение «дома» на новом месте;
- чувство общности с Россией / СССР.

Представления о возможности укорениться на новом месте были получены из ответов на вопрос «Сколько лет, на Ваш взгляд, нужно прожить здесь, чтобы считаться местным жителем?». «Не менее 5 лет»: так ответили 49,2 % опрошенных, «от 6 до 10 лет» – 20,1 % мигрантов, «от 11 до 15 лет» – 6,7, «от 16 до 20 лет» – 2,2, «более 20 лет» – 5,6 %. «Нужно родиться здесь» – так считают 15,6 % респондентов. Таким образом, возможность укорениться на новом месте в течение нескольких лет для большинства мигрантов представляется вполне реальной.

Что касается желания стать частью «большинства» на новом месте, то его испытывают большинство – 72,4 % мигрантов. Меньшинство – 27,6 % респондентов, ответивших на вопрос «Хотели бы здесь стать “своим”, т. е. ближе к местным жителям, соседям?» – выбрали ответ «нет, не вижу в этом необходимости». Такое распределение ответов на данный вопрос косвенным образом подтверждает сделанный немного выше вывод о том, что примерно для четверти мигрантов крупный российский мегаполис (каков по своему статусу Новоси-

бирск) является временным местом пребывания, и в ближайшем будущем они не изменят отношения к ситуации своего пребывания в нем.

«Считаете ли Вы, что местное население, россияне в целом, очень похожи на Вас?». На этот вопрос положительно ответили 15,9 % респондентов. «Немного похожи»: так полагают 30,5 % опрошенных. «Местное население, россияне в целом, значительно отличаются от меня» – так считают 27,4 %. Остальные участники опроса затруднились с ответом. Можно с определенной долей осторожности предположить, что для части мигрантов граница между ними и местным населением представляется как преодолимая, проницаемая, открытая.

Ключевым вопросом, определяющим отношение к новой родине, является вопрос об ощущении «дома». Лишь немногие из участников опроса ответили, что их дом здесь, на новом месте. Таковых оказалось 18,5 %. Для 68,5 % респондентов дом «остался там», в стране исхода. Влияние показателя «ощущение дома» можно оценивать как отрицательный фактор с точки зрения возможности инкорпорации в принимающее сообщество.

Наконец, при ответе на вопрос «С кем Вы чувствуете наибольшую общность?» были получены распределения, свидетельствующие о лояльности как существующим ныне этническим и гражданским общностям, так и к уже оставшимся в прошлом (на этот вопрос можно было выбрать несколько вариантов ответа). Наибольшую лояльность опрошенные испытывают к современной России – 38,8 % респондентов. Второе по значимости место в иерархии лояльностей к государственно-политическим образованиям занимает СССР – 34,1 % испытывают с ним чувство общности, 20,6 % испытывают чувство общности со страной своего исхода.

Таким образом, три из пяти субъективных факторов (возможность «укорениться», желание стать «своим», чувство общности с Россией / СССР) оказались благоприятными с точки зрения возможности и желания мигрантов быть интегрированными в пространство российского социума. Однако ключевой фактор, фактор «дома», работает негативно в плане перспективы этой интеграции. Это означает, что большинство мигрантов не испытывают ощущения надеж-

ности и защищенности на новом месте, привязанности к новой родине, и следствием этого может быть отсутствие уверенности в завтрашнем дне, спонтанный рост тревожности и недоверия по отношению к местным жителям.

Косвенным образом эту точку зрения подтверждает анализ распределений ответов на вопрос «**Как бы Вы оценили состояние межнациональных отношений в городе, в котором Вы сейчас живете?**». Хотя большинство участников опроса выбрали ответ «*межнациональные отношения в основном стабильны*» (61,5 %), само по себе это не должно вводить в заблуждение, хотя бы потому, что 21,4 % воздержались от ответа на данный вопрос, 14,3 % полагают, что некоторая напряженность присутствует, а 2,7 % оценивают межнациональную напряженность как значительную.

Если анализировать самоидентификацию мигрантов, то здесь наиболее значимыми маркерами выступают их этническая и конфессиональная принадлежность, а также лояльность по отношению к России и стране исхода.

Респондентам было предложено определить самостоятельно свою национальную принадлежность. Большинство из них (44,8 %) назвали свою этническую принадлежность (узбек, киргиз, таджик и т. п.). Примечательно, что численность русских респондентов оказалась искусственно преувеличенной: 17,8 % опрошенных назвали себя русскими, хотя численность русских в выборке была незначительна. Таким образом, некоторые из участников опроса искусственно приписали себя к русским; 16 % опрошенных отнесли себя сразу к двум народам; 19,6 % затруднились с выбором своей национальной принадлежности. Итак, можно зафиксировать значимость этнической составляющей идентификации. Для большинства мигрантов, так же как и для большинства россиян, их национальность – это, прежде всего, их этническая принадлежность. Общность с людьми одной национальности ощущают 26,5 % респондентов, со страной исхода – 20,6, с «малой родиной» – 15,9 %. Наибольшей лояльностью, как уже отмечалось выше, пользуются государственно-политические образования: СССР (34,1 %) и его преемница Россия (38,8 %).

На этом фоне весьма скромно выглядит общность с единоверцами – лишь 11,2 % опрошенных считают ее значимой. При

этом верующими себя считают 94 %. Примечательно, что ощущают свою принадлежность к исламу 96,6 % участников опроса. Можно предположить, что ислам для большинства мигрантов является маркером их принадлежности к определенному культурному пространству и более чем третью респондентов (выбравших в качестве объектов лояльности и ислам, и Россию / СССР) не рассматривается как препятствие для проявления лояльности по отношению к России.

Зато принадлежность к исламу задает принципиальное отношение к атеизму и нетрадиционным религиям. Резко отрицательное отношение высказано респондентами по отношению к неверующим (17,9 %). По силе неприязни с этим может соперничать разве что отношение к представителям нетрадиционных конфессий (22,2 %). «*Не очень хорошо*» относятся участники опроса к представителям нетрадиционных конфессий (28,5 %), к неверующим (28 %), к европейцам (18 %). Таким образом, налицо негативное отношение к атеизму (позиции которого достаточно сильны в секулярном обществе) и антизападнические установки у части мигрантов.

В отношении к представителям традиционных для России конфессий – православия, исламу и буддизму – пристрастия участников опроса распределились следующим образом: исламу симпатизируют 68,8 % респондентов, православия – 32,9, буддизму – 18,5 %. Такое отношение вызвано, возможно, традиционалистским представлением о взаимосвязи между уважением к религии и нравственным состоянием общества. Давая интервью одному из участников исследования, некоторые респонденты сетовали на то, что одним из результатов адаптации мигрантов в принимающий социум нередко оказывается вовлеченность в негативное потребление (алкоголизация и наркотизация) и, как следствие, личностная деградация.

Наиболее комфортно чувствуют себя мигранты в трудовых отношениях (по сравнению с бытовыми отношениями) и в общении с людьми пожилого и среднего возраста (по сравнению с молодежью). Респондентам было предложено ответить на вопрос о том, приходилось ли им в последнее время испытывать к себе враждебное отношение. Не испытывают враждебного к себе отношения на работе 74,2 %, в то время как в бытовой сфере негативного отношения не испытывают 63,6 %. «*Хотя враждебного отноше-*

ния не чувствую, но стараюсь быть осторожным, не злить людей»: такой вариант ответа выбрали 19,6 % применительно к бытовой сфере и 10,4 % – к трудовым взаимоотношениям. С враждебным отношением сталкиваются редко (13 % – и в бытовой, и в производственной сфере).

Общаясь с людьми разных возрастов, мигранты чаще сталкиваются с враждебным отношением со стороны молодежи. Не испытывают враждебного отношения со стороны молодых людей 54,1 %. Для сравнения посмотрим аналогичный показатель в отношениях с людьми пожилого и среднего возраста. Для представителей пожилой возрастной группы этот показатель возрастает до 75,7 %, средней группы – 70,4 %. Испытывают (изредка) враждебное отношение к себе со стороны пожилых людей 11,6 % опрошенных, со стороны лиц среднего возраста – 7,8 %. Эти показатели существенно отличаются от аналогичного в отношении с молодежью: испытывают враждебное отношение к себе со стороны молодежи 17,7 %. Регулярно сталкиваются с враждебным отношением со стороны молодежи 6,6 % респондентов, со стороны людей среднего возраста – 5,6 %.

Приток мигрантов позволяет снять острую проблему трудовых ресурсов. Конечно, подавляющее большинство мигрантов ориентировано на повышение языковой компетенции, многие из них хотели бы приобрести российское гражданство, некоторые испытывают симпатии к традиционным для России религиям. Вместе с тем, перспектива быстрой модернизации, и без того осложненная внутренними проблемами, представляется проблематичной, учитывая традиционалистские установки ориентированных на ислам мигрантов. Прежде всего, это ан-

тизападничество и негативное отношение к атеизму, позиции которого оказываются близки многим россиянам, так же как и ассоциации с Западом и Европой. В то же время, так как российское общество внутри себя неоднородно, такой традиционализм может импонировать другой части россиян и вызывать уважение к себе.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что хотя большинство участников опроса не испытывают в своей повседневной жизни межэтнической напряженности (61,5 %), тем не менее почти каждый из мигрантов хоть один раз сталкивался с неприязненным к себе отношением. Сами мигранты с симпатией относятся к местному населению (66,9 %), к представителям других народов и культур (63,6 %), в тех случаях, когда речь не заходит о религиозных предпочтениях последних. Будучи достаточно толерантными в отношении к представителям конфессий, традиционных для России, респонденты способны высказывать, по крайней мере, устно, негативное отношение к неверующим и представителям нетрадиционных религий.

Значительная часть мигрантов хотела бы устроиться на новом месте, однако испытывает трудности адаптации в принимающее сообщество, вызванные несовпадением их социокультурных установок с образом жизни и практиками доминирующего большинства. В то же время примерно 2 из 5 мигрантов прибывают в крупные города, подобные Новосибирску, на временную работу, а четверть не планирует менять свой «сезонный» статус и, значит, не стремится к инкорпорации в принимающее сообщество.

Материал поступил в редколлегию 24.06.2010

E. A. Erokhina

**MIGRANTS AND RECEIVING COMMUNITY IN THE MODERN SIBERIAN MEGAPOLIS
(A CASE STUDY OF INTER-ETHNIC RELATIONS IN NOVOSIBIRSK)**

Ethnic migration is often considered to be a potential danger for Russia. Differences in culture and, especially, in religious traditions are a source of mutual prejudices. Meanwhile, there are no alternatives to migration in the near future, taking into account the demographic and reproductive trends in Russia. Therefore, a search for an optimal model of immigrant integration into the receiving Russian society presupposes a consensus between cultural traditions (including the religious ones), which were learned by the immigrants in the countries of origin, and respectful attitude to the objects of All-Russian civil loyalty: the Russian language, Russian citizenship, Russian traditional confessions, customs and traditions of the local, mainly Russian, population.

Keywords: migration, Islam, ethnic, confessional and civil self-identification, receiving Russian society, inter-ethnic relations, integration, tolerance.